Автономная некоммерческая благотворительная организация поддержки гражданских инициатив «Ценим жизнь»
ОГРН 1231600019705 ИНН 1655494610, 420111 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, 15, пом. 1064, оф. 223
р/с 40703 810 1 6200 0004021 в ПАО СБЕРБАНК
БИК 049205603 к/с 30101 810 6 0000 0000 603
тел. +7-939-365-07-19
anotsenimzhizn@mail.ru https://anotsenimzhizn.ru/

Можно ли снимать кино о СВО, где смерть показана без прикрас?

Педагогу открывшей мне мир философии Гайнуллиной Лилиане Файберговне посвящается.

Я долго не мог ответить на этот вопрос. Не потому, что не видел аргументов «за» и «против», а потому, что здесь любой слишком гладкий ответ легко превращается в позу. Смерть на войне — не аргумент и не сцена. Это предел, где язык заканчивается и начинается ответственность.

Я говорю не как сторонний наблюдатель. Я сам участник СВО, и мне довелось участвовать в съёмках фильма о войне — и именно там я впервые почувствовал, что камера в таких местах не нейтральна. Она либо свидетель, либо вор. Третьего почти не дано.

Если кино отворачивается от смерти, оно рискует превратить войну в абстракцию, удобную для лозунгов. Если смакует её — превращает чужую жизнь в контент. Оба пути кажутся мне изменой правде, только с разных сторон.

Для меня главный вопрос не «показывать или нет», а «кем становится камера». Свидетелем? Судьёй? Вором, который забирает у человека последнее — достоинство? Свидетель не присваивает чужую боль. Он стоит рядом, не отводит глаз, но не лезет в лицо. Он помнит, что перед объективом — не «материал», а жизнь, которая уже никому ничего не должна. Когда сам стоишь с камерой там, где люди теряют близких, это перестаёт быть теорией. Ты чувствуешь каждой клеткой: одно неверное движение — и ты уже не свидетель, а тот, кто отнял у человека последнее.

Здесь я всегда вспоминаю «Джонни взял ружьё» Далтона Трамбо. Это фильм, который не показывает смерть как «сильный кадр». Он делает нечто более страшное и более честное: показывает жизнь, которая стала невыносимее смерти. Джонни теряет руки, ноги, зрение, слух и голос — но

остаётся разум, заточённый в изувеченном теле. И система отказывается его убить, превращая человека в объект, в функцию, в эксперимент. Трамбо не торгует болью. Он свидетельствует о цене жизни — и обличает мир, который перестал видеть в человеке человека.

Но здесь начинается философия, которую я не могу обойти. Эммануэль Левинас говорил, что лицо другого — это этический предел: оно говорит «не убий» ещё до всяких слов. Камера же по природе своей превращает лицо в образ, а образ — в объект. В момент съёмки я всегда задаю себе вопрос: я сохраняю лицо или превращаю его в изображение? Свидетельство — это когда я остаюсь перед лицом. Эксплуатация — когда я делаю лицо средством. Кант сформулировал это жёстче: человек никогда не должен быть только средством. На войне это правило проверяется на прочность каждый день.

Дальше — вопрос о невыразимом. Теодор Адорно сказал, что писать стихи после Освенцима — варварство. Это не запрет на искусство, а предупреждение: есть опыт, который сопротивляется изображению. Клод Ланцман в «Шоа» сознательно не показал ни одного кадра смерти — и этим сказал больше, чем мог бы сказать любой «сильный кадр». Иногда этика требует не показать. Не из страха, а из уважения к тому, что не поддаётся переводу в образ.

Ролан Барт писал, что каждая фотография — это memento mori: она фиксирует мгновение, которое уже ушло. Фотография смерти — это двойное свидетельство: о человеке и о его исчезновении. И здесь есть ловушка. Сьюзен Сонтаг предупреждала: поток изображений страдания делает нас не более чуткими, а более онемевшими. Шок — плохой учитель этики. Он быстро становится привычкой.

И ещё один слой — свидетель как тот, кто говорит за мёртвых. Примо Леви и Джорджо Агамбен показали, что настоящий свидетель — это тот, кто не может свидетельствовать до конца. Мёртвые не говорят. Говорим мы — и берём на себя ответственность за то, что не наше. Камера здесь не инструмент, а этический акт. Ты не просто снимаешь — ты обещаешь помнить. И это обещание нельзя нарушить.

Кант называл возвышенным то, что превышает наше воображение. Война — не возвышенное. Это ужас, который легко принять за возвышенное и тем самым эстетизировать. Красивая смерть — это ложь. Красивая война — это преступление против памяти. Настоящее кино о войне не возвышает и не ужасает — оно возвращает человеку лицо.

Достоевский говорил: каждый ответственен перед всеми за всё. Это не моральная риторика, а онтология. Если я снимаю чужую смерть, я уже в

ответе за неё. Не потому, что я виноват, а потому, что я видел. Видел — значит, обязан свидетельствовать. Но свидетельствовать — значит не присваивать.

Уважение к погибшим — это не траурная музыка и не пафос. Это правила. Не показывать узнаваемую смерть без согласия семьи. Не делать из человека иллюстрацию тезиса. Не превращать чужую боль в контент. Предупреждать зрителя. Оставлять место для тишины. И помнить, что память — это не «сильные кадры», а лица, судьбы и ответственность тех, кто остался. Эти правила я не вычитал — я пришёл к ним через опыт, который не даёт права на ошибку.

Философски здесь для меня всё просто и страшно одновременно: другой человек не должен становиться средством. Даже если кадр очень сильный. Особенно если очень сильный.

Поэтому мой ответ: да, снимать можно. Но только если фильм не торгует смертью, а свидетельствует о цене жизни. Если камера не умеет молчать — ей не место на войне. А после настоящего кино о войне люди не аплодируют. Они молчат. И в этой тишине вспоминают имена.

С Уважением,

Руководитель
АНБО «Ценим жизнь» И.И. Зиннатуллин